

ОБЗОРЫ

*Павел Дятленко**

**Языковая политика и языковые реформы
в государственном и национальном строительстве
(аналитический обзор)**

*Благо народа – наивысший закон.
Марк Туллий Цицерон*

Язык во многих отношениях выступает как инструмент политики – от политической идеологии и риторики до консолидации и формирования на его основе народа как субъекта политического процесса. Поэтому как таковой инструмент язык не может оставаться вне политики, выступая зачастую одним из объектов ее воздействия. Языковая политика требует многопланового рассмотрения с привлечением аналитических ресурсов различных социальных дисциплин: юридических, политических, экономических, демографических, исторических и культурных. Это позволяет лучше понять задачу исторического выбора, которая стояла перед различными странами, в разное время.

В чем, собственно, заключаются основные проблемы языковой политики?

Во-первых, речь идет о восприятии обществом (в том числе экспертным сообществом) языковой сферы как реальной «вещи» (части материального мира). И хотя во многом это всего лишь представление, оно инициирует практику манипулирования языковыми феноменами как вещью, которая во многом подвержена влиянию социально обусловленных предпочтений и взглядов по вопросу о языке. Во-вторых, проблемой является убежденность большинства представителей политического, научного, культурного и экспертного сообществ на постсоветском пространстве в единственности и перспективности построения государства и общества по модели «одно государство, одна нация, один язык». И в-третьих, проблемна и уверенность, что только государство (точнее, его политическая элита) может безраздельно вмешиваться, регулировать и направлять в своих интересах процессы и тенденции в языковой политике.

Рассматривая различные модели, стратегии, тактики и методы реализации языковой политики, стоит учитывать, что вопрос языковой принадлежности неразрывно связан с этнической, культурной и региональной идентификацией граждан, а в некоторых случаях – с религиозной, социальной и мировоззренческой принадлежностью людей. Все это превращает языковую политику в крайне опасный по своим возможным последствиям политический инструмент.

Стратегии языковой политики в подавляющем большинстве случаев носят долгосрочный, целенаправленный и институционализированный характер: они разрабатываются и проводятся, как правило, государством. Однако, государство выбирает эти стратегии не произвольно, оно имеет дело со сложившейся языковой ситуацией, процессами и тенденциями [5, с.21]. Политические элиты тех или иных государств, формируя и реализуя модель национального строительства, находятся в разных

* Дятленко Павел Иванович – аспирант Киргизско-Российского Славянского университета.

© Дятленко П., 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

исторических ситуациях и ищут собственные пути и действия для достижения определенной стратегии в языковой политике.

Возможно ли в виду этого разнообразия дать общее определение языковой политике? «Лингвистический энциклопедический словарь» дает следующее определение **языковой политики**: «Совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» [2, с.616]. Языковая политика может реализовываться с помощью различных институтов, инструментов, методов и средств. Закон, определяющий, каким языком следует пользоваться в тех или самых официальных ситуациях, на самом деле составляет лишь часть языковой политики. К числу самых действенных и эффективных институтов ее реализации относятся система административного управления, система образования, религиозные структуры и средства массовой информации.

В качестве примера, свидетельствующего о роли религиозных институтов в языковой политике, достаточно вспомнить, что благодаря миссионерской деятельности католических священников, помогавших конкистадорам, во всех государствах Латинской Америки (за исключением Бразилии), официальным языком является испанский, а языком религии – латынь. Уместно вспомнить и тот факт, что арабский язык попал в число мировых благодаря распространению ислама.

Результатом политического регулирования в языковой сфере является **языковая реформа**. Языковая реформа – изменение языка, которое может касаться графики, лексики, грамматики, словарного запаса и других разделов языка. К этому результату можно отнести даже изменение написания фамилий или их введение, во всяком случае исторические примеры подтверждают политико-идеологическую направленность подобных действий. Так, в Турции в годы кемалистских реформ сразу после перевода турецкого языка с арабской графики на латиницу были введены фамилии для всех жителей страны. Турки стали носить, как и большинство европейцев, личное имя, имя отца и фамилию. Кроме того, в конце 1920-х – 1930-х годах в Турецкой Республике прошла массовая кампания по переизданию классических и современных произведений турецких авторов на новом алфавите – латинице, причем, поскольку в Османской империи языком литературы был персидский, многие книги были опубликованы на турецком языке впервые.

После обретения независимости постсоветскими среднеазиатскими республиками представители государствообразующих этносов стали менять фамилии со славянскими окончаниями «-ов» на традиционные.

В целом существующие **стратегии языковой политики** можно разделить на прагматические, протекционистско-прагматические, протекционистские и националистические. Прагматическая стратегия ориентируется в первую очередь на экономическую целесообразность и результативность. Протекционистско-прагматическая сочетает в себе меры, направленные на экономические результаты и защиту определенных языков с помощью различных преференций, льгот и стимулов. Протекционистская стратегия направлена главным образом на защиту и сохранение определенного языка или языков. Обычно это касается языков меньшинств или официальных языков небольших этносов, находящихся в действительности или по мнению политической элиты (почти всегда массово тиражируемому) под угрозой со стороны одного из мировых языков или языка страны, доминирующей в этом регионе мира. Националистическая стратегия претворяется в жизнь для достижения языкового единообразия населения определенной страны. Лучше всего она описана уже упомянутым выражением «одна страна, один народ, один язык».

Каждая элита, выбирая ту или иную стратегию, делает это вследствие определенных причин: ценностных, экономических, политико-идеологических, исторических. Нередко эти причины выступают в комплексе.

Языковую политику только начинают рассматривать как форму общественного порядка. Это признание замедляется тем, что подавляющее большинство современных участников, вовлеченных в различные языковые вопросы (будь то языковые активисты,

националисты, пытающиеся установить цели и требования этнического движения, государственные политические деятели или сотрудники международных организаций), получили свое образование в области права или международных отношений. Поэтому нужно учитывать, что участники языковой политики не всегда способны увидеть и определить собственно языковую ситуацию и не всегда владеют методами анализа и инструментами реагирования на происходящее.

Прагматическая стратегия языковой политики выбирается политическими элитами чаще всего по ценностным и экономическим соображениям.

Яркий пример реализации подобной стратегии – Республика Сингапур. Языком межнационального общения здесь является английский, который с момента создания колонии в 1826 г. был официальным языком. Сейчас официальных языков несколько: английский, китайский, малайский и тамильский. На всех этих языках издаются газеты и журналы, ведутся радио- и телепередачи. В младших классах школы дети учатся на родном языке, но в старших классах и вузах преподавание идет преимущественно на английском. Кроме того, знание английского большинством населения облегчает овладение сложными рабочими специальностями, освоение современной техники и технологий.

Такая языковая ситуация последовательно и постепенно, на протяжении нескольких десятилетий, создавалась местной политической элитой, сделавшей ставку на экономическую эффективность внутренней политики (в том числе и языковой) и обеспечение внутренней стабильности. Власти помнили о происходивших в Сингапуре еще в колониальный период столкновениях между китайцами и малайцами и с целью их предотвращения решили продвигать английский язык как «нейтральный», не являющийся родным для основных этносов в стране – китайцев, малайцев и индийцев.

Знание английского языка значительной частью населения в сочетании с рядом других факторов обеспечило Сингапuru особые позиции на региональном рынке. В настоящее время это один из главных финансовых центров огромного региона, через его порт проходит большой объем морских перевозок оборудования, сырья и других грузов, имеющих стратегическое значение для стран Юго-Восточной Азии.

Примером смешанной прагматическо-протекционистской стратегии языковой политики являются Финляндия и Италия.

В Финляндии по конституции два государственных языка – финский и шведский. Шведы составляют 7% населения, финны – более 90%. Проживают шведы компактно на Аландских островах, обладают автономностью в управлении и решении культурных вопросов. Такая политика по отношению к шведам (как и к саамам) подтверждает существование гражданского общества, основанного на защите прав и свобод всех без исключения граждан страны. Кроме того, она укрепляет стратегическое партнерство со Швецией, которая всегда дружелюбно относилась к «Стране озер», в частности, в отличие от многих европейских стран, помогала оправиться от поражения в советско-финской войне.

Что касается Италии, 94% населения которой итальянцы, то подобная стратегия языковой политики реализуется в ряде областей. Проблема обеспечения языковых прав определенных этносов возникла в Италии в результате изменения границ европейских государств после Первой и Второй мировых войн. В настоящее время на западе страны живут около 100 тысяч франкоязычных граждан, на севере и западе – 260 тысяч немецкоязычных и 53 тысячи славяноязычных. Законодательство областей, в которых они проживают, регулирует вопросы, связанные с языковой политикой. Так, в области Вале д'Аосты, где живут франкофоны, французский язык имеет паритет с итальянским: все акты государственных и областных властей публикуются либо на итальянском, либо на французском языке. Исключением являются акты судебных властей, которые составляются на итальянском языке.

В области Трентино-Альто Адидже, где живут немецкоязычные граждане, вопрос двуязычия трактуется шире и в экономическом, и в политическом аспектах. Немецкий язык приравнен к итальянскому, областные акты публикуются на обоих языках. Немецкоязычное

население имеет право использовать родной язык во всех учреждениях государственного и областного подчинения. При переписке чиновники обязаны давать ответ на предполагаемом языке адресата. Судопроизводство ведется как на немецком, так и на итальянском языке. При задержании или аресте в области гражданин может выбрать язык, на котором будут вестись дознание и судопроизводство [11, с.140-141].

И в Сингапуре, и в Финляндии, и в Италии языковую политику, при всех различиях в подходах и методах ее реализации, объединяет одно свойство – принятие как данности исторической реальности, на основе которой путем согласования со всеми сторонами создается общее будущее.

Действенным критерием определения эффективности и перспективности языковой политики можно с полным основанием назвать развитие экономики страны. Легкий при коммуникациях (информативный), однозначно понимаемый, имеющий значительное число носителей и устойчивые нормы язык способствует мобильности людей, быстрому обороту информации, товаров, услуг и технологий. Это, безусловно, повышает эффективность, конкурентоспособность и устойчивость экономики, влечет за собой ее рост, а в условиях укрепления мировой экономики дает дополнительные и значительные преимущества ряду национальных экономик.

С этой точки зрения, языки можно разделять на **эффективные и неэффективные**. К эффективным языкам относятся главным образом мировые языки. На Земле существует более 2000 языков, из которых только 259 являются государственными. Но более 90% населения мира используют всего 12 языков, каждый из которых имеет от 100 миллионов до 1,2 миллиарда носителей.

Показательна в этом отношении ситуация в Африке. Из 55 африканских государств в 19 государственным является английский язык, в 33 – французский, в 10 – арабский, в 5 – португальский [11, с.142]. Подобная языковая политика была выбрана и продолжает проводиться элитами африканских государств по трем основным причинам. Во-первых, с целью интеграции в мировое сообщество (в том числе в мировой рынок), поддержания партнерских отношений с бывшими метрополиями. Во-вторых, для обеспечения внутренней стабильности, так как языки бывших метрополий выступают в качестве «нейтральных» в африканских странах, подавляющее большинство которых отличаются огромным разнообразием диалектов и наречий, конфессий, культур. В-третьих, мировые языки более эффективны и технологичны, обеспечивают функционирование и развитие экономики, производства, науки и культуры в каждой стране без замыкания в крайне узких рамках одного местного языка или диалекта, давая выход на мировой, континентальный и субрегиональный уровни.

К неэффективным языкам можно отнести все остальные языки. Но это не означает, что их ждет печальная участь бесследного исчезновения. У языков малочисленных народов существуют мощные инструменты воспроизводства и развития. Эти языки можно образно назвать **«домашними»**. Они развиваются в рамках таких социальных институтов, как семья, соседская и иные виды общин, регионы компактного проживания, религиозные и культурные организации. Таковы, например, бретонский и корсиканский языки во Франции, которые спокойно сосуществуют в Бретани и Корсике с французским. То же касается языковой ситуации в испанских провинциях Каталония, Страна басков и Галисия.

В англоязычной политической и научной традиции используется только один вариант для обозначения статуса языка – «официальный». Такая же тенденция наблюдается во многих странах мира. Например, в Турции один официальный язык – турецкий, в Сингапуре четыре официальных языка – английский, китайский (мандаринский), малайский и тамильский, в ЮАР 11 официальных языков. Но ни в одной из указанных стран нет государственного языка.

Политики постсоветского пространства внесли большую путаницу в стройную логику мировой практики. В конституциях стран СНГ появились формулировки «государственный язык», «официальный язык» и «язык межнационального общения». Термин

«государственный язык» употребляется только по отношению к языкам государствообразующих этносов. В законодательство отдельных республик (Молдавии, Киргизии) вводились формулировки «официальный язык», а некоторых (Таджикистан) – «язык межнационального общения». Это были вынужденные политические полумеры по отношению к русскому языку, огромную роль которого требовалось, с одной стороны, зафиксировать в законодательстве, а с другой – принизить его статус, поставив в неполноправное, подчиненное положение по отношению к новым государственным языкам.

Подобные политические действия, обладая определенной политической целесообразностью, с большим трудом укладываются в правовые рамки. В законодательстве стран, использующих упомянутые выше формулировки, отсутствует четкое описание отличий в функциях, возлагаемых на государственный и другие языки. Впрочем, такое разделение, скорее всего, никогда и не появится, поскольку это раскроет «игру в демократию» и покажет нежелание этнократических политических элит использовать мировой опыт по равноправному использованию нескольких «официальных языков».

Сошлемся, в связи с этим, на обязательное требование к кандидату на пост президента, существующее в конституциях ряда стран СНГ. Конституции Казахстана и Узбекистана требуют от кандидата на высший пост «свободного владения государственным языком», конституции Киргизии, Молдавии, Таджикистана и Украины – «владения государственным языком». Конституция Туркмении решает этот вопрос еще проще – президентом может быть только туркмен. Как говорится, комментарии излишни.

Стоит отметить, что в правовой практике других стран мира подобных прецедентов закрепления в основных законах националистических мер языковой дискриминации нет.

В некоторых странах существует интересная практика реализации языковой политики – региональное двуязычие. Речь идет о предоставлении языку компактно проживающего на определенной территории этноса равных прав наравне с общегосударственным официальным языком.

Наиболее известна испанская модель регионального двуязычия. Согласно статье 151 испанской конституции, «исторические области», то есть Каталония, Страна басков, Галисия и Андалузия, имеют особое право на официальное двуязычие. На территории этих регионов наряду с испанским официально используются каталонский, баскский и галисийский языки [12].

Региональные языки существуют также в Бельгии, Франции, Индии, Эфиопии и некоторых других государствах.

Эту практику можно отнести к протекционистской стратегии языковой политики. Она защищает носителей регионального языка, но у них есть только одна возможность включиться в общую жизнь страны – изучить общегосударственный язык или другие используемые языки. В противном случае региональный язык будет выполнять роль ограждения в модели добровольной резервации.

Рассмотрим в качестве примера языковой реформы латинизацию киргизского языка. После установления в Киргизии советской власти на повестку дня был поставлен вопрос реформирования алфавита киргизского языка в связи с курсом на всеобщую грамотность.

В 1924 году была проведена частичная реформа арабской графики, служившей основой киргизского языка. Вскоре был начат процесс замены этого алфавита на латинизированный. Официальным поводом была неспособность даже реформированного арабского алфавита отразить своеобразие фонетического строя языка, в котором значительную роль играет вокализм, передаваемый в арабском письме лишь отчасти. Такова официальная советская версия [6, с.347]. Исследователи по-своему объясняли проведение данной реформы. Касым Тыныстанов в сжатом историческом очерке, посвященном 10-летию нового алфавита, указал две причины его введения. Во-первых, несоответствие арабского алфавита требованиям техники обучения и полиграфической промышленности. Во-вторых, «арабский алфавит как алфавит Корана, оставаясь на службе у байства, манапства и духовенства, был орудием против интересов трудящихся» [8, с.64]. Спустя 60 лет узбекистанский исследователь Мустафо Базаров указал только одну причину

латинизации алфавита тюркских народов и таджиков – репрессивную политическую антирелигиозную кампанию со стороны государства [1, с.15-34]. Светлана Плоских в своей монографии подробно изложила сам процесс реформирования, но не указала причины, побудившие власти пойти на него [9, с.115-118].

По существу перевод киргизского языка на латинскую графику был обоснован сложным сочетанием трех разных причин. Во-первых, политическая целесообразность требовала этого для ускорения создания новых политических конструкций – советских государства, народа и культуры. Реформа способствовала сближению народов страны и отдаляла их от родственных им приграничных стран и народов. Кроме того, на протяжении многих лет руководство коммунистической партии всерьез ожидало перерастания Октябрьской революции в мировую революцию. Ради такой цели партия была готова на все. Поднимался вопрос даже о латинизации русского языка. Во-вторых, идеологическая причина крылась в объявленной борьбе с религией. И здесь реформа была весьма кстати, ведь проводилась она у таджиков, тюркских народов Поволжья, Средней Азии и Кавказа, которые исповедывали ислам. Латинизация ослабляла влияние ислама и духовенства в сфере культуры, образования и науки. Но официальные власти предпочитали акцентировать общественное внимание только на технических преимуществах латинского алфавита в типографском деле и всеобщем обучении¹. Документальных подтверждений этому приему сохранилось достаточно много.

«Вопрос замены старого арабского алфавита новым является вопросом, выдвинутым самой жизнью, и он тесно связан с вопросом успешного проведения всеобщего обучения. Арабский алфавит труден и неудобен – он имеет массу недостатков: большое количество начертаний букв, одинаковое начертание многих букв, отличающихся друг от друга только точками...» [13, Л.15]².

Еще более безапелляционно высказался Тыныстанов – один из авторов реформы и заместитель председателя Областного комитета ново-киргизского языка. «Ныне потребляемый киргизским народом арабский алфавит, истари употребляющийся в его письменности и начавший занимать место в литературе киргизского народа с конца 1924 года, не пригоден ни в обучении грамоте, ни в издательском деле. Буквы арабского алфавита, отличающиеся друг от друга только точками, создают необычайную пестроту в письме и в печати. Двадцать четыре звука, имеющиеся в киргизском языке, изображаются на старом арабском алфавите 82 знаками – этим загромождаются типографии, увеличивается число ячеек наборной доски...» [13, Л.14].

Первый раз вопрос о переходе с арабского на латинский алфавит дискутировался на особом совещании ответственных работников КАО 24 мая 1925 года. Совещание решило согласиться с докладом Тыныстанова, вопрос о переходе к латинскому алфавиту поставить на областном педагогическом съезде и дальнейшую реформу арабского алфавита прекратить [9, с.116-117]. С этого момента был дан старт переводу киргизского языка с арабской графики на латиницу.

В мае 1925 года на Первом областном научно-педагогическом съезде КАО, прошедшем во Фрунзе, с докладом о латинизации киргизского языка выступил председатель Областной научной комиссии Тыныстанов. Решение, которое съезд принял по этому вопросу на основании заслушанного доклада, было положительным [13, Л.4].

Следующим этапом стал Первый Всесоюзный тюркологический съезд, который состоялся в Баку в феврале-марте 1926 года. На съезде присутствовали представители всех тюркских автономных областей и республик (Киргизия была представлена Тыныстановым и Данияровым). Большинство голосов съезд вынес резолюцию с рекомендацией о переводе всеми без исключения тюркскими народами СССР алфавита с арабской на латинскую графику [13, Л.4]. Реформа стала приобретать всесоюзный масштаб.

¹ Позднее во всех советских республиках, перешедших на латиницу, был осуществлен переход на кириллицу.

² Тезисы к докладу об обязательном введении в Киргизстане нового алфавита.

Столица Азербайджана была выбрана для проведения этого съезда не случайно – именно азербайджанский язык первым среди других тюркских языков СССР был переведен на латиницу еще в 1922 году. Этот процесс прошел там достаточно быстро, несмотря на все сложности – гражданскую войну, угрозу внешней интервенции и яростное сопротивление духовенства.

Сразу после Бакинского съезда 6 апреля 1926 года во Фрунзе состоялось заседание Коллегии областного отдела народного просвещения КАО, которая приняла решение просить Облисполком об издании обязательного постановления о постепенном переходе к новому алфавиту и отпуске средств на организацию нового комитета, который займется этим [14, Л.187-189].

Первоначально все работы по новому алфавиту проводились Областной научной комиссией. Организованные ею курсы по переподготовке педагогов окончили 405 учителей [13, Л.5]. Позже за научной комиссией были оставлены только вопросы разработки окончательного алфавита и методов его проведения в жизнь (в первую очередь в низовых школах) [16, Л.24, 24об.].

На совещании культурно-просветительских и ответственных работников республики (1926 г.), был обсужден вопрос унификации нового алфавита с алфавитами других тюркских народов страны. Окончательно этот вопрос был разрешен комиссией по унификации новых тюркских алфавитов, которая заседала в июне 1927 года в Баку [8, с.66].

14 октября 1926 года Облисполком КАО постановил начать постепенную замену арабского алфавита на латинский с учетом опыта других тюркских республик СССР. Для этого был создан Областной комитет ново-киргизского (латинского) алфавита³. Научно-методическое руководство работами было возложено на научную комиссию при Областном отделе народного просвещения.

К Пятому Пленуму Облисполкома КАО комитет разработал восьмилетний и годичный планы работы, положение о комитете и временный устав «кружков друзей нового алфавита».

Необходимо отметить преимущества, которые были при переходе на латинский алфавит. Во-первых, опыт других тюркских республик СССР. В Азербайджане, Узбекистане, Туркмении, Башкирии и у восточно-кавказских тюркских народов латинизация началась раньше. Во-вторых, в отсталой стране, какой была тогда Киргизия, гораздо легче провести замену старого арабского алфавита новым, чем, например, в Турецкой Республике: не пришлось переучивать на новый алфавит сотни тысяч людей, уже овладевших грамотой на старом алфавите; не пришлось переводить на латиницу большого числа книг, изданных на арабской графике; не пришлось производить кардинальное переоснащение типографского дела. Сроком окончательного перевода литературы и делопроизводства на латиницу предполагался 1931 год [13, Л.15].

12 декабря 1927 года правительство Киргизской АССР вынесло постановление о признании латинского алфавита государственным, причем последний вводился в делопроизводство наряду с арабским с тем преимуществом, что документы на новом алфавите исполнялись в первую очередь. Должностные лица, игнорирующие латинский алфавит, подлежали привлечению к уголовной ответственности. Как сказали бы сейчас, для реализации реформы был активно задействован административный ресурс советской партийно-государственной системы.

ЦИК Киргизской АССР в октябре 1928 года констатировал, что рост количества грамотных на латинском алфавите уже догнал за короткое время количество грамотных на арабском алфавите. ЦИК также установил сроки перехода на латинский алфавит делопроизводства во всех учреждениях: в центральных – не позже 1 января 1929 года, в кантонных и районных – не позже 1 марта, в волостных – не позже 1 июня, а в айылсоветах

³ В его состав были включены Орозбеков, Абдрахманов, Садаев, Тыныстанов, Алиев, Айдарбеков, Баишев, Боробаев (Бирюбаев), Булатов Юсуф, Данияров, Джеймбаев (Дженбаев), Дзульфибаев (Зульфибаев) и Карачев. Чуть позже в него были включены Худайбергенов и Якумбаев. В архивных документах приводятся разные варианты написания фамилий одних и тех же лиц, поэтому приведены все их варианты.

(сельсоветах) – не позже 1 сентября того же года [8, с.66-67]. Особый упор был сделан на перевод на латиницу типографского дела. До 1927 года все книжные издания выходили на арабском алфавите. В 1927-1928 годах удельный вес на латинизированном алфавите книжных изданий во всей продукции составил 22,9%. В последнем квартале 1929 года их удельный вес составлял уже 82,5%. В 1930 году вся книжная продукция издавалась уже на новом алфавите. Кроме того, в 1928 году дунганский язык также был переведен на латинскую графику, и с того же года начали выходить книги на дунганском языке [15, Л.56].

Любопытна и история латинизации алфавита в Турции, напрямую связанная с принципами новой государственной политики. С момента создания Турецкой Республики (октябрь 1923 г.) до смерти ее основателя Мустафы Кемалья Ататюрка (ноябрь 1938 г.) страна шла по пути ускоренного построения светского демократического государства с республиканским устройством президентско-парламентского типа⁴. Кроме того, был взят жесткий курс на ускоренную европеизацию и решительную борьбу с доминирующей ролью ислама в жизни общества. Таким образом, за фасадом латинизации алфавита власти скрывали целый ряд политико-идеологических целей и задач.

Одним из шести принципов пришедшей к власти Народно-республиканской партии, которые были сформулированы и предложены Ататюрком, был лаицизм – построение светской модели государства и общества, где не будет доминировать ислам.

«Что же следует понимать под лаицизмом?, – пишет турецко-кипрский историк Бекир Юсуф, – является ли он отказом от религии вообще? Нет. Кемалисты не выступали против религии, когда она касалась отношений между человеком и богом, считая ее личным делом каждого. Мечети не были закрыты, и даже религиозные праздники продолжали оставаться официальными праздниками. Кемаль и его соратники боролись с религией там, где она являлась союзницей феодализма, стремились разорвать лишь те религиозные путы, которые, по их мнению, мешали прогрессу. На практике лаицизм выразился в постановке религии под контроль государства» [3, с.160].

Еще одной причиной реформы было тяжелое наследие прошлого. До кемалистской революции 1918-1923 годов словом «турки» пренебрежительно называли только крестьян, а знать и горожане именовали себя «мусульманами» или «османцами» в честь правящей династии султанов Османов. В Османской империи использовались четыре языка: арабский – язык религии, религиозной науки и образования; «османский» (на основе арабского алфавита с большим количеством арабизмов и персизмов) – язык официальный и литературный; персидский – язык культуры, искусства, литературы и просвещения; турецкий («тюркче») – язык разговорный, народный, не имевший письменности. Новую политическую элиту существующая языковая ситуация не устраивала.

Закон о реформе турецкого языка турецкий парламент принял в 1928 году, практический переход к новой письменности начался с 1929 года. В основу орфографии нового латинизированного турецкого языка был положен простой принцип – фонетический (слова пишутся так, как произносятся). Это было сделано под влиянием успехов подобной реформы письменности в Азербайджане, проведенной несколькими годами раньше, и в других тюркских республиках СССР.

Наряду с этим стала проводиться постепенная, но неуклонная замена «османского» языка турецким во всех областях государственной деятельности и общественной жизни. Более того, сам язык подвергся чистке от многих заимствованных арабских и персидских слов, вместо них вводились древние тюркские слова из старинных текстов (орхонских, уйгурских) или искусственно создавались новые, на основе тюркских корней.

Движение возглавил сам Ататюрк, президент Турецкой Республики и глава правящей Народно-республиканской партии. По его инициативе было создано Турецкое

⁴ Согласно неизменяемым нормам действующей в настоящее время конституции 1982 года Турецкая Республика – светское, социально-правовое государство, управляемое в соответствии с принципами Ататюрка и на основе представительной демократии [10, с.7].

лингвистическое общество⁵, ставшее научным центром изучения и совершенствования нового турецкого языка. В результате возник современный турецкий язык, резко отличавшийся даже от языка 20-х – начала 30-х годов XX века, в котором арабизмы и персизмы составляли до половины лексики. Новый язык усиленно внедряли в систему народного образования и высшую школу. На нем были написаны новые школьные и вузовские учебники. Радиовещание и большинство журналистов перешли на латинизированный язык. Большой вклад в его развитие внесло поколение турецких писателей 1930-1950-х годов – Назым Хикмет, Сабахаттин Али, Халиде Эдиб Адивар, Азиз Несин и многие другие [7, с.238].

В определенной степени благодаря латинизации быстрее шла ликвидация неграмотности населения страны. В 1927 году в Турции было только 8,5% грамотных, к 1935 году – 15% [3, с.140-147], в 60-е годы 40% [7, с.237].

Перед началом латинизации турецкого языка власти провели реформу по европеизации системы народного образования. Из системы образования было изъято преподавание религии, в стране введены европейские время, летоисчисление и одежда (были запрещены феска и паранджа). Кроме того, в систему образования было включено обязательное изучение европейских языков – английского и французского. До Второй мировой войны в Турции большой популярностью пользовался французский язык, на нем свободно говорила элита страны. После 1945 года в силу ряда геополитических причин на смену французскому пришел английский. Такие меры закономерным и естественным образом способствовали постепенному формированию у современных турок более высокого уровня приспособляемости к другим культурам и языкам.

Перевод на латинский алфавит турецкого языка отвечал жесткому политическому курсу, взятому сразу после кемалистской революции 1918-1923 годов новой элитой страны во главе с Ататюрком на создание нового национального государства на развалинах Османской империи – Турецкой Республики, новой нации, объединенной прежде всего узлами этнолингвистического единства, новой светской европеизированной культуры и ослабление доминирующей роли ислама в государственной деятельности и жизни общества. Кстати, сам Ататюрк не ходил в мечеть, не совершал намаз, не придерживался поста. Авторитет «Отца турок», естественно, влиял на формирование мировоззрения молодежи, видевшего в нем национального героя – победителя в войне за независимость, освободителя страны от иностранного засилья, великого реформатора, основателя и первого (пожизненного) президента Турецкой Республики [3, с.161].

Правда, последствия такого «кавалерийского наскока» на язык были неоднозначными. Сейчас в Турции существует около 250 диалектов турецкого языка. Кроме того, невысокий уровень образованности населения, который сохраняется до сих пор, и крайняя поспешность проведения реформы алфавита (в сочетании со склонностью к штурмовщине и кампанейщине турецких чиновников) привели к тому, что даже фамилии и имена граждан после латинизации приобрели не только другое написание (зачастую ошибочное), но и потеряли свое прежнее лексическое значение.

После реформы самолет в Турции называют «учак» (от глагола «учмак» – летать) вместо арабского слова «тайяре» и использовавшегося в 20-е годы европейского «айрплан». Арабское слово «мектеб» (школа) заменили на сконструированное «окул» (от глагола «окумак» – учиться).

Практически почти у каждого турецкого слова есть синоним-двойник. Все его отличие сводится к происхождению слова – старое оно или новое, тюркское или заимствованное. Такое обилие однозначной лексики приводит к тому, что не всякий турок (тем более, иностранец) может овладеть всеми ее запасами. Несмотря на старания пуристов и ныне в разговорном языке турок арабизмы составляют до 30% [3, с.148-149]. Даже в названии государства – «Туркийе Джумхуриети» (Турецкая Республика) – было

⁵ В некоторых источниках оно называется Общество изучения турецкого языка. Сегодня оно является подразделением Высшего института культуры, языка и истории им. Ататюрка [10, с.6].

использовано арабское слово «республика» за неимением собственного турецкого термина. Кроме того, в конституции специально для обозначения светского характера государства было использовано французское слово «лаице» – светский, мирской. В данном случае здравый политический смысл и целесообразность победили популизм и языковой пуризм.

В результате реформы процент турецких слов в письменном языке вырос с 35–40% (в начале 1930-х годов) до 75–80% в настоящее время [10, с.6].

Давление власти после реформы алфавита было направлено на упорядочение стихийного возникновения фамилий. Закон об их введении был принят в 1934 году и вступил в силу с 1 января 1935 года. До этого турок обычно имел только имя, чаще всего арабское или иранское. Исключение составляла лишь знать. По новому закону были составлены официальные рекомендательные списки, содержавшие сконструированные на основе тюркских корней фамилии, из которых каждый гражданин мог выбрать себе понравившуюся. Фамилию можно было придумать и самому. Но многие турки не очень-то ломали голову над выбором фамилии, в деревнях и провинциальных городах полным-полно одинаковых фамилий из списков: Озтюрк (Настоящий турок), Коджатурк (Большой турок), Шентюрк (Веселый турок), Четинтурк (Суровый турок), Акджан (Светлая душа), Акалын (Светлый лоб), Акйол (Светлый путь). Ремесленники и торговцы сделали фамилиями названия своих занятий, поставив их после имени: Мехмед Балыкчи (Рыбак), Юсуф Баккал (Бакалейщик). Среди интеллигенции и офицерства фамилии чаще изобретались. Так писатель взял фамилию Язар (Пишущий), врач – Джанкуртаран (Исцелитель), легчик – Учанэр (Летающий), чиновник – Юрдакул (Слуга страны). Брали фамилии и по наименованиям тюркских племен – Сельчук, Тюркмен, Казак, Уйгур. Больше всех с фамилией в этой кампании повезло президенту. Специальным указом парламент присвоил Мустафе Кемалю-паше фамилию Ататурк (Отец турок), признав тем самым его выдающиеся заслуги перед страной и народом.

Новый язык был призван удостоверить и закреплять новый социальный порядок на всех уровнях общественной жизни – от государственного строительства до обыденной частной жизни и практики. В описанном выше культурно-историческом контексте представляется, что мысль И.Г. Гердера (*denn jedes Volk ist Volk; es hat seine National Bildung wie seine Sprache*) обретает методологическое значение: если каждый народ «имеет свой национальный склад так же, как он имеет свой национальный язык», то, следовательно, этот склад можно преобразовать, трансформируя язык. Высказывание типа «Эта нация суверенна» только тогда может стать перформативным (в строгом смысле), если она произведена на соответствующем языке: он – условие перформативности. Языковая агонистика, таким образом, становится выражением и продолжением политической борьбы и политических реформ.

Литература

1. *Базаров М.* Советская религиозная политика в Средней Азии. 1918-1930 годы // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Книга 1. Центральная Азия и Кавказ. М.: Весь Мир, 1997.
2. *Дешериев Ю.Д.* Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. *Еремеев Д.Е.* На стыке Азии и Европы: очерки о Турции и турках. М., 1980.
4. *Кемаль Ататурк.* Избранные речи и выступления. М.: Прогресс, 1966.
5. *Кимлицка У., Грин Ф.* Оценка многообразия в странах переходного периода.
6. Киргизская ССР. Энциклопедия. Фрунзе: Главная Редакция КСЭ, 1982.
7. *Новичев А.Д.* Турция. Краткая история. М.: Наука, 1965.

8. *Плоских С.В.* Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана. Историко-социоллингвистическое наследие Е. Поливанова и К. Тыныстановы. Бишкек: Илим, 2001.
9. *Плоских С.В.* Репрессированная культура Кыргызстана (малоизученные страницы истории). Бишкек: Илим, 2002.
10. Современная Турция: хроника политической жизни (2002-2006 гг.). Бишкек, 2006.
11. *Тощенко Ж.Т.* Постсоветское пространство: Суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки. М.: РГГУ, 1997.
12. Федерализм: Энциклопедия. М.: Издательство МГУ, 2000.
13. ЦГА КР. Ф. 688. Оп. 1. Д. 18. Тезисы к докладу об обязательном введении в Киргизстане нового алфавита.
14. ЦГА КР. Ф.688. Оп.1 Д.29.
15. ЦГА КР. Ф.688. Оп.3. Д.307.
16. ЦГА КР.Ф.688.Оп.1. Д.9.